

СТАНДАРТНЫЕ И НЕСТАНДАРТНЫЕ ВАРИАНТЫ ПЕРЕВОДА

© 2017

Елена Эмильевна Разлогова

Научно-исследовательский вычислительный центр МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва,
119991, Российская Федерация; razlogova.elena@gmail.com

Рассматривается понятие «нейтрального перевода» — конструкта, выстраивание которого возможно при наличии не менее десяти переводов одного текста. Туда входят наиболее часто встречающиеся в переводах стандартные решения. Наряду с оригиналом и подстрочником он рассматривается как точка отсчета для анализа конкретных переводов. Нестандартные варианты, не вошедшие в нейтральный перевод, могут как отражать индивидуальные особенности стиля переводчика, так и свидетельствовать о неправильной интерпретации того или иного фрагмента, неаккуратности или другой специфике текста. Исследование проводилось на корпусе французских переводов произведений А. С. Пушкина «Борис Годунов» (16 переводов) и «Пиковая дама» (16 переводов).

Ключевые слова: «Борис Годунов», корпусная лингвистика, нейтральный перевод, перевод, переводоведение, «Пиковая дама», Пушкин, русский язык, сопоставительное языкознание, французский язык, художественный перевод

STANDARD AND NON-STANDARD VERSIONS OF TRANSLATION

Elena E. Razlogova

Research Computing Center (RCC) of the Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation; razlogova.elena@gmail.com

This work considers the notion of “neutral translation” and the possibility of using it in translation studies. Neutral translation is compiled from standard versions of translation, most frequently encountered in different translations of the same text. This work demonstrates that a comparison of particular translations with a neutral translation is often more informative than a comparison with the original. Non-standard versions, excluded from the neutral translation, reveal unique features of particular translations. This case study focuses on the corpus of French translations of “Boris Godunov” (16 translations) and “Queen of Spades” (16 translations).

Keywords: “Boris Godunov”, contrastive linguistics, corpus linguistics, French, literary translation, neutral translation, Pushkin, “Queen of Spades”, Russian, translation studies

Соотношение оригинала и перевода является центральным вопросом переводоведения, он активно обсуждается еще со времен Античности. Речь идет о сравнении разноязычных текстов, которые в идеале должны быть эквивалентны во всем, кроме выбора языка. Как писал Р. Якобсон, в переводе участвуют два эквивалентных сообщения в двух различных кодах [Якобсон 1985]. Эквивалентность в случае перевода носит относительный характер, хотя бы по причине несовпадения грамматического и лексического устройства языков. У. Эко весьма осторожно относился к поиску эквивалентности в переводе: «Эквивалентность означаемых не может рассматриваться как действенный критерий в переводе. Считается, что перевод нас устраивает, если он эквивалентен оригиналу на уровне означаемого, но такая эквивалентность часто определяется как то, что уцелело при хорошем переводе.

Получается порочный круг» (здесь и далее перевод наш. — *Е. Р.*) [Есо 2001]. Эко настаивал также на том, что в переводе задействованы не столько сами языковые единицы, сколько конкретные их вхождения, и что перевод — это также результат взаимодействия двух культур. Но принцип эквивалентности вызывает сомнения и по другой причине: перевод представляет собой косвенную речь; переводчик перекодирует и передает сообщение, полученное им из какого-то источника [Якобсон 1985]. Любой перевод по современным представлениям является интерпретацией, которая может быть неточной или и вовсе ошибочной.

Переводы можно анализировать с разных позиций — для их описания предлагаются различные «точки отсчета». Ниже мы рассмотрим существующие схемы и предложим еще одну — «нейтральный перевод», куда из конкретных переводов одного текста отобраны наиболее часто встречающиеся, «стандартные» переводческие решения. В разделе 1 мы проанализируем специфику таких стандартных вариантов, затем в разделе 2 рассмотрим «нестандартные» варианты, которые остаются за пределами нейтрального перевода, в разделе 3 обсудим возможности развития такого подхода и его использование в некоторых разделах лингвистики.

1. Анализ переводов: проблема точки отсчета, нейтральный перевод

Точкой отсчета при анализе перевода чаще всего считается оригинал: он первичен — перевод вторичен, первый не подвержен трансформациям — переводов может быть много. Реже в качестве точки отсчета рассматривается подстрочник как некий эквивалент оригинала. При наличии большого количества переводов одного текста можно предложить еще одну основу для сравнения — нейтральный перевод.

1.1. Оригинал как основа для сравнения: форма и смысл

Обычно при анализе перевода предполагается его сравнение с оригиналом, которое, в свою очередь, предполагает наличие общей для двух языков и культур системы. Такой системы априори не существует. Но этот способ анализа является классическим, он зародился еще в эпоху Античности, и для него разработан аппарат переводческих приемов. Последние характеризуют соотношение между соответствующими фрагментами в переводе и в оригинале — словами, словосочетаниями, клаузами и др. Сравнение чаще всего производится с принятием гипотезы, что нам известны смыслы и их распределение. К основным приемам относятся заимствование, калька, дословный перевод, транспозиция, модуляция, эквиваленция, адаптация, переход к гиперониму, переход к гипониму, опущение, добавление и др. Степень изоморфизма языков в синтаксической или лексической сфере может быть разной: описание в традиционных терминах более целесообразно в рамках близких языков. Но сравнение может производиться и по более формальным признакам: можно сравнивать длину оригинального и переводного текста, степень сложности синтаксических структур, соположение разных языков и диалектов в оригинале и переводе, стилистическую отмеченность лексических единиц, пунктуацию и мн. др.

Результаты сопоставления с оригиналом иногда получают диаметрально противоположные оценки. Приверженцы перевода, ориентированного на читателя, его язык и культуру¹, положительно оценивают «национализирующие» трансформации на всех уровнях перевода. Подобные интерпретации исходного текста имеют под собой как философскую, так и психологическую основу, они делают перевод более легким для восприятия, и это является их базовым принципом. Приверженцы переводов, ориентированных на максимальную адекватность авторскому тексту [Berman 1999], фиксируют свойственные переводам

¹ К этому течению относится и советская школа художественного перевода, которая формировалась в борьбе с буквализмом; см., например, [Яхнина 1997].

«искажения» на всех уровнях, призывая к их минимизации, вплоть до создания текстов, выходящих за рамки общелитературной нормы принимающего языка. При этом «искажения» во второй концепции часто зеркально отображают «правильные национализирующие трансформации» в первой [Ozékí-Dépré 1999: 39—44].

1.2. Подстрочные и «неподстрочные» переводы

«Не существует нейтрального, прозрачного перевода, сквозь который можно было бы увидеть текст оригинала, как в зеркале, таким, каков он есть», — писал М. Устинов [Oustinoff 2003: 19]. М. Л. Гаспаров придерживался иной точки зрения. В качестве «точки отсчета» он предлагал рассматривать подстрочник: «Когда мы читаем строку Мицкевича в переводе Пушкина, мы знаем, что “хотел сказать” Пушкин: он хотел сказать то, что написано у Мицкевича. Собственно, только здесь мы и можем говорить о том, соответствует или не соответствует замысел воплощению, форма содержанию — во всех остальных случаях это праздный вопрос. И когда перед нами лежит не просто перевод, а перевод с подстрочника — так сказать, **с замысла, уже сформулированного на языке воплощения**, — это позволяет нам еще ближе придвинуться к точке их несовпадения. Переводческий процесс состоит из двух этапов: **понимания и оформления**. (...) При переводе с подстрочника они разделены: **понимание** текста целиком задает **подстрочник**, **оформление** берет на себя переводчик» (выделение наше. — *Е. Р.*) [Гаспаров 2001].

Термин «подстрочник» или «подстрочный перевод» чаще всего подразумевает сравнение с другим переводом: подстрочник ближе к тексту, чем его «художественный» аналог. Это понятие употребляется по крайней мере в двух ситуациях. В одних случаях имеется в виду близкий к тексту перевод, не претендующий на статус «художественного» или «профессионального», который используется как вспомогательный вариант в процессе перевода поэтических или иных текстов. Подстрочник делают люди, часто не являющиеся профессиональными переводчиками, но в «достаточной степени» владеющие языком оригинала, для людей, не обладающих такими знаниями, но обеспечивающих художественную или иную формальную составляющую перевода. В других случаях подстрочник призван обеспечить более глубокое «понимание» оригинального текста при наличии уже существующих профессиональных или художественных переводов. Сюда можно отнести, например, подстрочные переводы Библии².

Часто предполагается, что у каждого текста может быть один подстрочник. Однако оснований для этого мало. Выбор словарного эквивалента, интерпретация синтаксических связей, передача стилистических приемов и фигур зависят, как и в любом переводе, от переводящего субъекта. Как и в любом переводе, там будут содержательные сдвиги, неучтенные, но важные для понимания коннотации, привнесенные элементы и пр. Это будет всего лишь одна из возможных интерпретаций оригинала, не имеющая «особого статуса» среди других близких к тексту переводов. Таким образом, вряд ли можно считать, что подстрочник «задает понимание», или, тем более, является «замыслом на языке воплощения».

В исследованиях в области переводоведения под подстрочником (буквальным переводом) имеется в виду близкий к тексту перевод, сделанный самим исследователем по фиксированным им же самим правилам для решения конкретных задач. Так, например, если анализируется порядок слов оригинала, то он будет изоморфно передан в подстрочнике. Если тот же оригинал рассматривается с точки зрения лексической специфики, порядок слов в подстрочнике будет нормализован.

² В некоторых отечественных работах под термином «подстрочник» имеется в виду более подробный лексический комментарий к тексту оригинала на языке перевода [Клюева 2016]. Такое решение сложнее для восприятия, чем просто параллельный текст. Вместе с тем оно имеет неоспоримые преимущества для более полного его понимания.

1.3. Нейтральный перевод

Если создание подстрочника предшествует анализу (или же выполнению) конкретного перевода, то нейтральный перевод вырастает из множественных переводов³ одного текста и только потом может стать основой для анализа конкретного перевода. Сам оригинал не участвует в создании нейтрального перевода.

1.3.1. Множественные переводы: формирование нейтрального перевода

При наличии большого количества профессиональных переводов одного текста можно сформировать нейтральный, «среднестатистический» перевод, куда будут включены наиболее часто встречающиеся в конкретных переводах решения — грамматические формы, лексические и синтаксические варианты и т. д. Однако трудно точно обозначить количество переводов одного текста, необходимое для формирования нейтрального: мы исходим из того, что их должно быть **не менее десяти**.

Формирование нейтрального перевода может рассматриваться как моделирование коллективного выбора переводчиков, где побеждают решения большинства. Так, например, во французских переводах фрагмента из начала «Пиковой дамы» (*Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова. Долгая зимняя ночь прошла незаметно*) эквиваленты словосочетания *долгая зимняя ночь* 14 раз оформлены при помощи определенного артикля (*la longue nuit d'hiver*) и только два — неопределенного (*une longue nuit d'hiver*). Именно первый вариант попадет в нейтральный перевод. П. Мериме и Р. Оффмана, использовавших неопределенный артикль, трудно упрекнуть в плохом владении французским языком: неопределенный артикль «раздвигает» временную перспективу — не *та самая ночь*, а *одна из тех ночей, когда* или *еще одна ночь*... Но этот вариант является нестандартным.

Такой подход уместен и для лексических единиц, синтаксических конструкций, фраз или больших по объему фрагментов. Так, например, фраза *Москва пуста* из начала «Бориса Годунова» получает во французских переводах следующие эквиваленты.

<i>Moscou est désert</i>	(Дюпон / H. Dupont, 1847).
<i>Moscou est vide</i>	(Нунчинов / M. Nountchinoff, 1858).
<i>Moscou est vide</i>	(Тургенев, Виардо / I Turgeneff — L. Viardot, 1862).
<i>...n'est resté dans Moscou. Elle est déserte</i>	(Лансепе / O. Lanceray, 1910).
<i>Moscou est vide</i>	(Семенов / M. Semenoff, 1921).
<i>Moscou est vide</i>	(Шиффрин / J. Schiffrine, 1924).
<i>Moscou est vide</i>	(Баранов / Baranoff, 1927).
<i>Moscou vide</i>	(Вивье-Кузнецова / E. Vivier-Kousnetzoff, 1928).
<i>Moscou n'est qu'un désert</i>	(Легра / R. Legras, 1962).
<i>Le Kremlin est vide</i>	(Гедройц / A. Guédroïtz, 1963).
<i>Moscou n'est qu'un désert</i>	(Менье / A. Meynieux, 1966).
<i>Moscou est vide</i>	(Ару / G. Arout, 1973).
<i>Moscou est vide</i>	(Нунчинов, Трубецкой / M. Nountchinoff, W. Troubezkoj, 2000).

³ Термин «множественность переводов» (или «переводная множественность») используется уже несколько десятилетий в отечественных работах по переводоведению [Левин 1981; 1992; Шерстенева 2008].

Нейтральный перевод в этом случае будет: *Moscou est vide*, это стандартный вариант, который встречается как в самом раннем, так и в самом позднем переводе (их разделяет более 150 лет). Все остальные варианты — без глагола-связки, с синонимом (прилагательным *désert*), метафорой (*n'est qu'un désert*), с переходом к уточняющему гипониму (*le Kremlin*), будут исключены из нейтрального перевода. Это нестандартные варианты. С лексической точки зрения в качестве эквивалента *пуста* подходит прилагательное *vide*. Если бы переводов было меньше, нейтральный перевод мог бы оказаться другим или его формирование было бы затруднено. Именно поэтому задачу формирования нейтрального перевода целесообразно ставить только на «больших» корпусах параллельных текстов.

Когда речь идет о достаточном длинном тексте оригинала, нейтральный перевод не будет полностью совпадать ни с одним из реально существующих переводов. Его можно рассматривать как объективную точку отсчета для оценки конкретного перевода, это своего рода промежуточное звено между оригиналом и конкретным переводом.

Корпусы для его формирования могут быть созданы искусственно (например, в рамках конкретной исследовательской программы⁴), но они существуют и в естественном выражении: это переводы классических произведений, которые играют особую роль в принимающей культуре и к которым переводчики возвращаются многократно в разное время⁵. На сегодняшний день, например, «Гамлет», с учетом переводов фрагментов, переводился на русский язык по крайней мере 30 раз, «Госпожа Бовари» на английский — как минимум 20 (на русский — восемь), «Пиковая дама» на французский не менее 16 раз и т. д. Перевод классических произведений доверяют либо переводчикам со сложившейся репутацией, либо достаточно известным поэтам и писателям, либо профессиональным филологам⁶. Мы будем опираться в основном на данные двух корпусов опубликованных французских переводов произведений А. С. Пушкина: по 16 переводов «Пиковой дамы» и «Бориса Годунова»⁷. Наши корпусы в терминологии [Loock 2016] относятся к категории так называемых «corpus maison» (корпусы «собственного изготовления»), они сформированы нами с бумажных носителей, включая редкие издания.

Скорее всего, мы не имеем аналога подобных корпусов в сфере текстов непереводаемых. Можно себе представить нечто подобное в виде различных «редакций» одного текста, когда он перерабатывается достаточно активно, но не выходит за определенные рамки: «нарративный» изоморфизм в отличие от синтаксического, лексического или стилистического в этом случае должен быть сохранен [Разлогова 2016]⁸.

Таким образом, нейтральный перевод как точка отсчета при анализе переводов принципиальным образом отличается как от оригинала, так и от подстрочника, даже если последний, как и нейтральный перевод, может быть основой для анализа переводных текстов в одной

⁴ Здесь можно вспомнить эксперимент В. В. Настопкене [1981], где по фиксированным подстрочникам было создано 75 «переводов» трех достаточно коротких стихотворений С. Нерис. Статус таких «переводных» текстов вряд ли может быть приравнен к статусу профессиональных переводов.

⁵ Как отмечал С. Карцевский, например, в 1940-е гг. в российских библиотеках произведения Пушкина и Шекспира пользовались наибольшим спросом [Karcevski 1946]. См. также объемную библиографию разбросанных во времени полных и неполных переводов «Энеиды» Вергилия на французский язык [Ozéki-Dépré 1999: 257—265].

⁶ Исторически за переводы брались самые разные достаточно образованные пишущие люди [Ballard 2013]: перевод античных классиков и классики вообще считался (и продолжает считаться) престижным занятием (так, например, Казанова был переводчиком «Илиады» [Igalens 2011]).

⁷ С начала 1990-х гг. в области переводоведения идет активная работа с двуязычными и многоязычными корпусами параллельных текстов (см., например, [Baker 1995; Zanettin 2012]), а также обобщающий обзор по этой тематике [Loock 2016]), в том числе и для русско-французских переводов (см. поливариантный русско-французский корпус переводов в составе Национального корпуса русского языка).

⁸ Здесь, может быть, уместно вспомнить «Упражнения в стиле» Р. Кено, где одна и та же история рассказывается много раз с применением разных стилистических приемов — фигур и стилей, но каждый раз какого-то конкретного (метонимии, эпентезы, диерезы и пр.).

языковой среде. Вопрос о соотношении подстрочника и оригинала не имеет смысла — подстрочник берет на себя роль последнего и выполняется (хотя бы декларативно) по заранее установленным правилам. Нейтральный перевод формируется без использования оригинала, его сравнение с оригиналом является информативным как для двуязычных словарей, так и для сопоставительных грамматик и стилистик.

Можно себе представить соотношение трех обозначенных выше схем для описания и сравнения переводов следующим образом.

Таблица

Анализ перевода

Анализ перевода Параметр	На основе оригинала	На основе подстрочника	На основе нейтрального перевода
Тождество/различие языковой среды	Разные языковые системы	Одна языковая система	Одна языковая система
Объективный статус	Оригинал имеет объективный статус	Подстрочник не имеет объективного статуса (их может быть много)	Нейтральный перевод имеет объективный статус
Условие формирования	Оригинал в общем случае доступен исходно	Для получения подстрочника необходим оригинал	Для получения нейтрального перевода необходимо большое число переводов

При описании и систематизации переводов наиболее продуктивно сочетание разных способов анализа, мы будем использовать все три альтернативы.

В следующем разделе мы рассмотрим вопрос о соотношении нейтрального перевода с данными двуязычных словарей, а также с положениями сопоставительной грамматики и стилистики.

1.3.2. Нейтральный перевод, оригинал, двуязычные словари, синонимические ряды, сопоставительные грамматика и стилистика, прагматика текста

Нейтральный перевод сложным образом взаимодействует с различными языковыми «институтами», связанными с переводческой деятельностью, такими как двуязычные словари, данные сопоставительной грамматики и стилистики; его соотношение с оригиналом также регулируется множеством факторов. Эти моменты представляют особый интерес как с точки зрения предсказуемости появления некоторых элементов в нейтральном переводе, так и с точки зрения нарушения ожидания.

Проблематика словарных эквивалентов и традиционно связанное с ней понятие дословного перевода (в русской традиции — подстрочника) в рамках их соотношения с нейтральным переводом требует особого рассмотрения. Двуязычные словари (как, впрочем, и толковые) могут быть разной степени подробности. Значения в них описываются при помощи эквивалентов⁹: одному значению на «втором» языке может соответствовать одно слово или несколько; количество значений и подзначений, количество эквивалентов для каждого из них в различных словарях могут быть разными. В словарях малого объема при помощи эквивалентов даются только основные значения, которые, по мнению составителей, являются наиболее употребительными: из-за недостатка места другие значения, а также употребления в связанных словосочетаниях не учитываются. Но даже наиболее полные двуязычные словари часто не могут обеспечить достаточно простой перевод.

⁹ Иногда даются и пояснения, сужающие значение эквивалентов, или реже — толкование.

Можно считать, что эквиваленты в двуязычных словарях призваны задавать **синонимические ряды** на принимающем языке, члены этих рядов можно использовать в процессе перевода. Это своего рода подсказка, эффективное использование которой зависит от переводящего субъекта, но которая может быть им неправильно понята. Понятие «синонимического ряда» не является достаточно четким: синонимы применительно к переводу предполагают сдвиги различного типа. Речь может идти не только о гипонимах или гиперонимах, но и о референциальных синонимах (замена допускается только в строго определенных контекстах *Москва ↔ le Kremlin*), синонимах сложной структуры (например, метонимических синонимах: *все произведения Пушкина ↔ tout Pouchkine*, *крыльцо ↔ l'escalier*) и др. Более того, с учетом синтаксических трансформаций в переводе возможны переходы в другие части речи (транспозиции), изменение «точки зрения» (модуляции, к которым относятся, например, введение наблюдающего субъекта, трансформации с каузативом или отрицанием) или замена семантических составляющих другими (эквиваленции, всевозможные адаптации и др.). Многие из этих случаев вообще не относятся к компетенции двуязычных словарей.

Если роль собственно словарных эквивалентов более ощутима в переводах буквальных, то в переводах адаптативного толка она минимизируется.

Несловарный эквивалент в нейтральном переводе в качестве «решения большинства» всегда несет дополнительную лингвистическую информацию. Так, в 13 из 16 французских переводов фрагмента из «Бориса Годунова»¹⁰ ...и мальчики кровавые в глазах слову *мальчики* соответствует несловарный эквивалент *enfants*, и только в двух переводах используется словарный — (*petits garçons*):

...et des enfants sanglants vous passent sous les yeux	(Дюпон);
...et l'on a devant les yeux des taches de sang /	
... des enfants ensanglantés...	(Нунчинов);
...et de petits garçons sanglants vous dansent devant les yeux	(Тургенев, Виардо) ¹¹ ;
Et des enfants sanglants se dressent devant vous	(Лансере);
On voit des petits enfants rouges de sang...	(Семенов);
...et des visions d'enfants sanglants se dressent devant vous	(Шиффрин);
Et des enfants sanglants passent devant vos yeux	(Лиондель);
Je vois de petits enfants ensanglantés	(Баранов);
...dans les yeux passent des petits garçons sanglants	(Вивье-Кузнецова);
...et des enfants sanglants passent devant vos yeux...	(Легра);
...et ces spectres d'enfants ensanglantés devant les yeux...	(Гедройц);
Et ces enfants ensanglantés devant les yeux	(Менье);
...et devant tes yeux, sans trêve, une ronde d'enfants ensanglantés	(Ару);
...et l'on a devant les yeux des taches de sang /	
...des enfants ensanglantés...	(Нунчинов, Трубецкой).

Нейтральным переводом будет *Et des enfants sanglants passent devant les yeux*. Ни один из известных нам русско-французских словарей не дает в качестве эквивалента русск.

¹⁰ Среди рассматриваемых нами переводов «Бориса Годунова» есть неполные, поэтому не все фрагменты имеют одинаковое количество переводов.

¹¹ В переводе Тургенева, Виардо для выражения *мальчики в глазах* дается ссылка и на другое, переносное значение этого выражения — ‘рыбит в глазах’ (оно есть у В. Даля). В переводе Нунчинова передается именно это значение, которое в редакции Трубецкого заменяется на буквальное (*мальчики*, то есть дети, перед глазами). Весьма возможно, что Пушкин имел в виду обе интерпретации.

мальчик франц. *enfant*. В принципе, переход к гиперониму (лексическая рационализация по Берману) в переводах встречается достаточно часто, но в данном случае этот переход — выбор большинства, он имеет статус обязательного. Вопрос, почему это так, требует особого рассмотрения: объяснение следует искать в особенностях семантики задействованных русских и французских слов¹². Подчеркнем еще раз, что приведенное выше соотношение касается переводов именно данного фрагмента. Если брать статистику лексической единицы (например, французских эквивалентов русск. *мальчик*) по корпусу вообще, как это делается во многих корпусных исследованиях, то она будет существенно отличаться от приведенной выше.

Слова *sanglants* и *ensanglantés* имеют в переводах близкую и высокую частоту (7 и 5 соответственно), хотя *кровавый* даже в достаточно полных русско-французских словарях, таких как словари Н. П. Макарова или Л. В. Щербы и М. И. Матусевич, не имеет словарного эквивалента *ensanglanté* (окровавленный). В русском и французском языках эти слова входят в «параллельные» синонимические ряды. Но если в пушкинском тексте выбор синонима из русского ряда исходно был уже сделан (*кровавые*, а не *окровавленные*), то каждый переводчик на момент выполнения своего перевода только стоял перед выбором из французского ряда (*sanglants*, *ensanglantés*, *rouges de sang* и др.). И делал этот выбор в соответствии с собственными предпочтениями.

Понимание как составляющая перевода предполагает задействование не только словарей и грамматик, но и механизмов прагматики — это положение стало практически общим местом в трудах по переводоведению. Еще Ф. Шлейермахер [Schleiermacher 1995] настаивал на двух составляющих понимания — понимание языка и понимание «вокруг автора» (т. е. прагматики: сведений из психологии, истории, социологии, логики, здравого смысла и пр.), что выходит за рамки информации, предоставляемой двуязычными словарями. Именно этот второй аспект понимания часто приводит к тому, что в некоторых контекстах при выборе эквивалента происходят определенные сдвиги, которые фиксируются в нейтральном переводе.

Так, в сцене проникновения Германа в дом графини глагол *запереть* во фрагменте *Швейцар запер дверь* передается французским глаголом *fermer* (*la porte*) без уточнения *à clé* — этот вариант вошел в нейтральный перевод, поскольку он фигурирует во всех переводах¹³. В этих фрагментах также блокируется глагол *verrouiller*. Это делается из соображений логики, «здравого смысла», ибо Герман вслед за этим беспрепятственно входит в дом, что возможно лишь при условии, что дверь не была заперта в общепринятом смысле слова. Тот же самый глагол в схожем контексте явления графини Герману (*Дверь в сени была заперта*) передается в подавляющем большинстве переводов с уточнением *à clé* или реже глаголом *verrouiller* (вариант *fermée à clé* вошел в нейтральный перевод). Разумеется, подобного рода наблюдения над переводными эквивалентами нельзя переносить в сопоставительные исследования или двуязычные словари без критического анализа.

Словарный эквивалент, таким образом, может как попасть в нейтральный перевод, так и по каким-то причинам оказаться вне его. Кроме того, когда речь идет о конкретном вхождении лексической единицы оригинала, информация, способствующая правильному выбору значения в языке перевода, в двуязычных словарях отсутствует. Ответственность за эту привязку всецело лежит на переводящем субъекте. В нейтральный перевод за редким исключением попадает «правильный» в смысловом отношении вариант, но выбор неправильного значения является постоянным источником ошибок в конкретных переводах (см. раздел 2.2). В этом отношении более полезным здесь мог бы быть достаточно полный

¹² Франц. *garçon* за счет других значений этого слова (*garçon boucher*, *garçon de café*), по всей видимости, стилистически «ниже» русск. *мальчик*, что делает операцию перехода к более абстрактному существительному желательной. Эпитет *petit* блокирует эти «негативные» значения, но *un petit garçon* стилистически принадлежит к более «бытовому» пласту лексики, чем *un enfant*.

¹³ Этот фрагмент и его переводы подробно разбираются в [Разлогова 2012].

двуязычный объяснительный синонимический словарь, однако, если учесть объем такого словаря для одного языка, двуязычный словарь такого типа был бы слишком сложен как для составителя, так и для пользователя.

В нейтральном переводе мы чаще всего находим подтверждение тому, что зафиксировано в сопоставительных исследованиях или в работах по переводоведению. Так, сопоставительные грамматики среди прочего фиксируют для пары достаточно близких языков «эквивалентные» синтаксические конструкции или грамматические формы. Как и двуязычные словари, они призваны задавать своего рода синонимические ряды, только в области грамматики и синтаксиса. Если автор оригинала уже выбрал синтаксическую конструкцию (и ее лексическое наполнение), то переводчик и здесь в процессе перевода стоит перед выбором; и даже если синтаксический изоморфизм возможен, он далеко не всегда реализуется в конкретных переводах — переводческий дискурс регулируется не только оригиналом, но и статистическими и стилистическими закономерностями языка перевода, а также индивидуальным стилем автора. Структурно-пунктуационный изоморфизм (членение на клаузы, фразы, абзацы и пр.) в переводах также часто нарушается. В области синтаксиса, как и в отношении лексики, выбор переводчиков «буквалистской» направленности отличается от выбора приверженцев «свободного» перевода.

Так, наиболее частотными в приведенных выше переводах фрагмента *И мальчики кровавые в глазах* оказываются характерные для французского языка конструкции с личной формой глагола (*passer, se dresser*). Именно такой вариант попадает в нейтральный перевод. Безглагольные варианты и усложненные варианты с введением модуляции наблюдающего субъекта (*I'on a, on voit, je vois*) являются нестандартными.

Сопоставительные исследования и переводоведение фиксируют также и более общие закономерности для обоих языков, которые находят свое подтверждение в нейтральном переводе: например, тот факт, что французские глаголы статического положения или движения, выбранные в качестве эквивалента русских, часто будут специфицировать не конкретное положение или способ движения, а только локализацию или направление. Стандартные варианты чаще всего соответствуют и этому положению: так, сказуемое во фразе *Лизавета Ивановна проишла мимо него* передается в нейтральном переводе при помощи глагола *passer* — *Lisavéta Ivanovna passa devant lui*; а во фразе *...прочие, в рассеянности, сидели перед пустыми своими приборами* глаголом *rester* — *Les autres restèrent distraits devant leurs assiettes vides*.

Сопоставительная стилистика в узком смысле слова фиксирует стилистические аспекты анализа параллельных текстов. Так Е. Г. Эткинд [1963] указывал на то, что «французский язык почти не содержит архаических слов и выражений, столь важных для нашего языка и позволяющих русскому поэту создавать при помощи лексических средств высокий, торжественный стиль. Французы располагают иными средствами архаизации речи, причем средства эти скорее находятся в области синтаксиса, нежели лексики»¹⁴.

Нейтральный перевод начала монолога Пимена подтверждает это положение. Фрагмент *Еще одно, последнее сказанье — / И летопись окончена моя* обладает признаками лексической архаизации (*сказанье* и в какой-то степени *летопись*). Переводится он следующим образом: *Encore une, la dernière histoire — et ma chronique est finie* (Дюпон); *Encore un seul et dernier récit, et ma chronique est terminée* (Нунчинов; Нунчинов, Трубецкой); *Encore un, encore un dernier récit, et ma chronique est terminée* (Тургенев, Виардо); *Plus qu'un récit... et puis, que mon livre se ferme!* (Порри); *Un récit, le dernier, et je pourrais conclure / Ces annales...* (Энгельгардт); *Encore un seul récit et ma chronique / Est terminée* (Лансепе); *Encore une dernière parole, Et mon histoire est achevée...* (Семенов); *Encore un récit, le dernier, et ma chronique est terminée...* (Шиффрин); *Encore un seul, un dernier récit, et mon histoire sera terminée* (Баранов); *Il me reste encore un seul, un dernier récit et la chronique est terminée* (Вивье-Кузнецова); *Un seul récit encore, un ultime récit, / Et ma longue chronique, enfin, touche à son*

¹⁴ Нет ничего удивительного в том, что при переводе с французского языка на русский переводчики активно используют книжную лексику, аналога которой во французском языке практически нет.

terme (Легра); *Encore un ultime témoignage, et ma chronique s'achève* (Гедройц); *Encore un récit, le dernier, et ma chronique est terminée* (Менье); *Il ne me manque qu'un dernier récit / Et me voici au bout de ma chronique* (Ару).

Нейтральным переводом будет: *Encore un seul, un dernier récit et ma chronique est terminée*¹⁵. Синтаксическое оформление эквивалентов первой синтагмы (*еще одно последнее сказанье*) представлено несколькими вариантами, лексика всего фрагмента в целом стилистически нейтральна.

В исследованиях по сопоставительной стилистике часто рассматривается и проблема передачи поэтической формы оригинала как в синхронии, так и в диахронии. Попытки передать ее могут как встраиваться в нейтральный перевод, так и оказываться вне его. Этот вопрос актуален и в отношении переводов «Бориса Годунова». Русская система стихосложения отлична от французской, а наиболее близким соответствием белому пятистопному ямбу можно считать французский десятистложник. Три первых перевода (Дюпон, 1847; Нунчинов, 1858; Тургенев и Виардо 1864) сделаны в прозе, так же как и отредактированный Трубецким перевод Нунчинова (2000); перевод Ольги Лансере (1910) выполнен нерифмованным александрийским стихом с фрагментами десятистложника (монолог Пимена); перевод Марка Семенова (1921) дан свободным стихом; вышедшие почти одновременно переводы Жака Шиффрина (1924), А. Баранова (1927) и Е. Вивье-Кузнецовой (1928) выполнены в прозе, Андре Лиронделя (1924) — свободным стихом; Роже Легра (1962) использует александрийский стих (не всегда в его классической форме); Андре Гедройц (1963) и Андре Менье (1966) сделали прозаические переводы; перевод Габриэля Ару (1973) выполнен десятистложником, часто с сохранением окказиональной пушкинской рифмы. Что касается фрагментов, то перевод графа де Порри (1861) выполнен александрийским стихом, двенадцатистложником с попарно чередующимися рифмами, перевод Софи Энгельгардт (1875) — свободным стихом с окказиональной рифмой. Таким образом, девять переводов из 16 выполнены в прозе, это абсолютное большинство — именно это решение войдет в нейтральный перевод. Отметим, что из 16 французских переводов «Евгения Онегина», относящихся примерно к тому же периоду, в прозе выполнены только пять. Решение вопроса о судьбе поэтической формы в переводе не является автоматическим и зависит от многих факторов: времени создания перевода, тенденций в принимающей литературе, сложившейся вокруг переводов данного текста традиции, особенностей идиостиля конкретных переводчиков и др. Если переводчик считает поэтическую форму неотъемлемой частью оригинала, он может использовать как «национализирующий» вариант (в нашем случае александрийский стих), так и другие, более близкие к оригиналу варианты. В некоторых случаях он может даже попытаться имитировать несвойственную языку перевода поэтическую форму оригинала¹⁶.

2. За пределами нейтрального перевода: нестандартные варианты

Нестандартные варианты, которые остаются «за бортом» нейтрального перевода, представляют особый интерес. Степень их нестандартности может быть разной: если вариант появляется в данном контексте лишь в одном из переводов, его можно считать «редким»; если по частоте он лишь немногим уступает стандартному, то статус его иной. Ниже мы

¹⁵ «Русско-французский словарь» Щербы и Матусевич дает для русск. *сказание* один эквивалент: *légende*. «Полный русско-французский словарь» Макарова предлагает эквиваленты *la narration, le récit, la description, version*. Слово *récit* как составляющая нейтрального перевода является «словарным» относительно второго словаря и «несловарным» относительно первого. В конечном итоге деятельность составителей словарей, как и переводчиков, зависит от многих, часто субъективных, факторов. Вместе с тем составители словарей, по-видимому, в большей степени учитывают опыт предшественников.

¹⁶ В этом отношении интересны попытки имитировать русскую силлабо-тонику во французских переводах Пушкина, инициатором которых был Эткинд.

рассмотрим некоторые типы переводческих решений, которые систематически оказываются вне нейтрального перевода. С одной стороны, это варианты с «сознательными» индивидуальными отклонениями (раздел 2.1), с другой — с отклонениями «неосознанными», произошедшими, скорее всего, помимо воли переводчика (2.2). Остальные случаи находятся где-то посередине (2.3). Ниже мы будем использовать традиционные схемы сравнения перевода с оригиналом.

2.1. Сознательные отклонения, в том числе добавления и опущения

Пример «переписывания» оригинала мы находим в переводе «Бориса Годунова» Габриэля Ару. Всем вхождениям слов *Литва*, *литовец*, *литовский* соответствуют эквиваленты *Pologne*, *Polonais*, *polonais*, при том что *Польша*, *поляк* и *польский* переводятся так же. Этот нестандартный вариант встречается только в этом переводе.

*Россия и Литва / Димитрием давно его признали, / Но впрочем я за это не стою.
Pourtant, et la Russie et la Pologne / Ont reconnu le prince Dimitri. / D'ailleurs qu'im-
porte, il m'est indifférent.*

Ни в одном контексте этот вариант не проходит в нейтральный перевод. Поскольку Ару предназначал свой перевод для сцены, он считал, судя по всему, что слово *Lithuanie*¹⁷ на слух не будет понятно французскому зрителю (перевод датирован началом 1970-х гг.). Заметим попутно, что русск. *лях* переводится как *Polonais* всеми, кроме Нунчинова (и это сохранилось в редакции Трубецкого 2000 г.), использующего *Lithuanien*. Это также нестандартный вариант.

Сюда же можно отнести перевод Витме фрагмента из «Пиковой дамы» ...*это случилось <...> за неделю перед той сценой, на которой мы остановились* при помощи *Mais voilà que <...> une semaine avant la visite de Tomsy chez la comtesse*. Витме вводит референциальный синоним — это его личный выбор, в то время как подавляющее большинство переводчиков изоморфно воспроизводят фразу оригинала.

Некоторые смысловые искажения связаны с желанием придать переводному тексту «современное» звучание. Так, в переводе Сеземана фрагмент ...*но ни слезы бедной девушки, ни удивительная прелесть ее горести не тревожили суровой души его* передан как ...*mais ni les larmes de la malheureuse fille ni sa détresse étrangement séduisante ne troublaient ce cœur endurci*. Выражение *sa détresse étrangement séduisante* ни в коей мере не соответствует пушкинской *удивительной прелестью ее горести*. Сеземан, единственный из 16 переводчиков, вносит в этот фрагмент чувственный элемент, который остается за рамками нейтрального перевода¹⁸.

Несколько иной характер носят фрагменты из перевода Мериме, связанные с передачей чисел. Поскольку отношения Пушкина и Мериме (особенно со стороны последнего) носили игровой характер, можно предположить, что ряд несоответствий связан с игровой установкой. Эти варианты также не прошли в нейтральный перевод.

¹⁷ Текст драматических произведений должен быть понятен зрителю «здесь и сейчас». Именно поэтому он должен быть проще и потому «грубее» («brutal» [Larthomas 1980]), чем текст, к которому можно вернуться для повторного прочтения.

¹⁸ «Адаптивный» перевод, выстроенный в соответствии со вкусами и интересами читателя, был в высшей степени свойствен французской переводческой традиции XVII—XVIII вв.: «Оригинал перестает быть святыней: переводить древних в XVII в. было все равно, что приобщиться к работе над текстом, начатом еще в Античности. При этом перевод должен был соответствовать вкусам читающей публики, и именно этот аспект стал очевидным с развитием того, что принято называть *belles infidèles*» [Ballard 2013: 20]. Однако, как считают многие теоретики, это явление характерно и для французской и даже европейской традиции в целом. Времена менялись — менялись и привнесенные в перевод искажения: если в эпоху классицизма все брутальное и откровенно эротическое изымалось во имя морали и «хорошего» тона, то во второй половине XX в. оно, наоборот, привносилось, о чем и свидетельствует перевод Сеземана.

Ровно в половине двенадцатого / A onze heures juste (Ровно в одиннадцать).
Направо легла девятка / A droite vint un dix (Направо легла десятка).
Все четверо заядлые игроки / Trois furent des joueurs déterminés
(Все трое заядлые игроки).

Сюда же можно отнести переводческую редакцию, направленную на улучшение качества изложения. Так, в двух переводах из 16 в сцене появления Германа в спальне графини не выдерживается дистанция между именованиями *незнакомый мужчина* и *Германн*: незнакомый мужчина сразу (у Мериме) или же быстрее, чем у Пушкина (у Жюбера), отождествляется с Германном. Такое нарушение внутренней фокализации не вошло в нейтральный перевод. Однако, как было указано выше, в редких случаях, когда редактирование носит коллективный характер (в частности, из соображений здравого смысла), оно формирует стандартный вариант.

В переводах встречаются также различные произвольные **добавления**: ими изобилует перевод «Пиковой дамы» Поля де Жюльвекура, который писал в стиле черного романтизма. Более скромные дополнения мы находим в переводе М. Шапиро [Разлогова 2012]. Многие точечные разъяснения есть в переводах «Бориса Годунова». Все они мотивированы либо определенными литературными тенденциями (как у Жюльвекура), либо нацеленностью на разъяснение, свойственной в какой-то степени переводу вообще, либо спецификой идиостиля переводчика. Такие не мотивированные языковой необходимостью добавления не попадают в нейтральный перевод.

Среди сознательных **опущений** можно назвать, например, полное исключение пушкинских эпиграфов к главам из перевода «Пиковой дамы» Мериме: по-видимому, он просто счел их неуместными. В нейтральном переводе эти эпиграфы сохраняются.

К особому виду опущений можно отнести неполные переводы. Так, «Борис Годунов», в отличие от «Пиковой дамы», не всегда переводился целиком. Перевод Энгельгардт, к примеру, заканчивается сценой смерти Бориса: весь заключительный фрагмент в переводе отсутствует. В некоторых случаях переводятся только отдельные сцены или монологи. Это обычная ситуация для больших драматических текстов, тем более поэтических. Однако такого рода сокращения обычно очевидны и прозрачны для читателя. Если в корпусе большинство переводов полные (как в нашем случае), такие «нестандартные» сокращения никак не отражаются на нейтральном переводе. Исключение же из перевода некоторых мелких фрагментов или реплик может мотивироваться по-разному: либо это происходит по невнимательности, либо фрагмент оценивается как ненужный (стилистическая правка), либо как трудный и непереводаемый: в последнем случае мелкие пропуски могут перейти в нейтральный перевод.

Итак, с одной стороны, мы сталкиваемся с «переписыванием» оригинала в переводе, а с другой — с его «дописыванием» или «сокращением». В некоторых случаях сознательные изменения приводят к нарушениям (хотя и не столь значительным) нарративной составляющей текста (последовательности событий и наполнения событийной канвы, точек зрения, статуса повествователя и др.). В нейтральный перевод все эти варианты, как правило, не попадают, такая вариативность на современном этапе в переводе не приветствуется.

2.2. Смысловые ошибки, значительные смысловые отклонения, а также неудачные варианты, связанные с непониманием или невнимательностью

Всем, кто когда-либо занимался изучением литературных (и не только) переводов, приходилось сталкиваться со смысловыми несоответствиями, причина которых крылась в том, что переводчик неправильно понял текст оригинала, что, естественно, происходило помимо его воли. Смысловые ошибки, как и значительные смысловые отклонения, связанные

с непониманием, обычно не носят массового характера — каждый переводчик ошибается по-своему. При наличии большого количества переводов ошибочные варианты отсеиваются.

Так, много смысловых несоответствий у того же Мериме:

Графиня {...} была скупа и погружена в холодный эгоизм, как и все старые люди, от-любившие в свой век и чуждые настоящему.

Pourtant la comtesse {...} était avare, personnelle, égoïste, comme celle qui depuis longtemps avait cessé de jouer un rôle actif dans la société (букв. 'как те, кто уже давно перестал играть заметную роль в обществе').

По-видимому, Мериме не вполне понял этот фрагмент и заменил его содержание «общим местом». Среди прочих неточностей его перевода была одна (впоследствии устраненная), особо насмешливая русских читателей: второе сказуемое во фразе *Томский закурил трубку, затянулся и продолжал* было переведено как *resserra sa ceinture* 'затянул пояс' [Mangault 1987]. Выбор «не того» значения слова, как и неправильное истолкование синтаксической связи являются, как мы указывали выше, очень распространенным видом ошибок.

Но существуют ошибки другого рода, их вряд ли можно объяснить непониманием: так, выбор *immeuble* для передачи русск. *дом* (*Рассуждая таким образом, очутился он в одной из главных улиц Петербурга, перед домом старинной архитектуры*) в переводах Офмана и Марковича не вполне удачен, поскольку *immeuble* обозначает в общем случае 'многоэтажное здание городского типа, где располагаются квартиры, технические помещения или конторы', что в целом не соответствует представлению о доме графини (стандартный вариант — *maison* в 12 из 16 переводов). Это скорее неаккуратность, своего рода прагматическая ошибка.

Когда в переводе Жобера желтое платье графини (*Желтое платье, шитое серебром*) становится синим (*Sa robe bleue, lamée d'argent*), это вызвано скорее невниманием, чем непониманием.

Неаккуратность может затрагивать и сферу синтаксиса. Так Элен Анри отмечает несколько странных, малопонятных оборотов в переводе Савана [Henry 1987]: ... *à peu près portée par deux laquais, attendant la dernière des minutes à passer* или *un homme décidé à quelque chose dangereuse, mais indispensable*. Все эти варианты не попадают в нейтральный перевод.

В редких случаях (нами был найден только один пример) неточный вариант при чисто формальном подходе может попасть в нейтральный перевод: обстоятельство времени во фразе ... *сели ужинать в пятом часу утра* передается как *vers cinq heures du matin* (Жид; Полтавцев; Варовски; Сеземан), *il était plus de quatre heures du matin* (Витме; Дерама; Саван), *il était cinq heures du matin* (Мериме; Менье), *à cinq heures du matin* (Жобер; Ке), *sur les cinq heures du matin* (Маркович), *il était quatre heures passées* (Офман), *après quatre heures du matin* (Нике), *il était quatre heures du matin* (Жюльвекур), *près de cinq heures* (Шапиро). В нейтральный перевод пройдет не вполне точный вариант *vers cinq heures du matin* 'около пяти утра'. Второй по частоте вариант *il était plus de quatre heures du matin* (букв. 'было больше четырех утра') в большей степени соответствует русскому варианту, как и варианты Офмана ('позже четырех') и Нике ('после четырех'), встречающиеся по одному разу. В результате правильно поняли этот фрагмент пять переводчиков из 16. Остальные либо поняли не совсем правильно, либо сознательно предпочли не совсем точные переводы. Если варианты рассматривать с точки зрения не столько формального совпадения, сколько совпадения по смыслу, то в нейтральный перевод попал бы более точный вариант: при анализе множественных переводов результат во многом зависит от параметра, по которому производится отбор в нейтральный перевод.

2.3. «В пределах допустимого»

Ниже мы рассмотрим типы сдвигов, затрагивающих различные составляющие оригинального текста и их эквиваленты в переводе. Среди этих случаев нет таких, которые бы в полном смысле слова искажали смысл оригинала, но это варианты, не совпадающие с решением

большинства — в этом их специфика. Каковы причины этих сдвигов, являются они осознанными или же сам переводчик устранил бы их — сказать трудно. Возможно, они связаны с проявлением особого стиля авторов переводов. Мы поместили такие случаи в промежуточную группу.

2.3.1. Слишком сложные и слишком простые решения

Выше (с. 58) мы привели пример, где синтаксически усложненные (с модуляцией введения наблюдающего субъекта) и синтаксически упрощенные (безглагольные) варианты не попали в нейтральный перевод. Нестандартными среди переводов фрагмента *еще одно последнее сказание* будут синтаксически более сложные решения с безличной конструкцией (*il ne me reste encore...*; *il ne me manque que...*) вместо именной группы (*encore un seul récit...*).

В отношении лексики отсеивание нестандартных вариантов происходит по тому же принципу. Так, при наличии «хорошего» (употребляемого большинством) национального эквивалента некоторые переводчики используют **новые заимствования**, которые обычно не попадают в нейтральный перевод. Часто встречающееся в тексте «Бориса Годунова» слово *князь* практически везде переводится как *prince*, и только в одном из контекстов (перевод Семенова) используется заимствование *kniaz*. Франц. *tamka* есть только у Менье — у всех остальных *nourrice*. Франц. *samozvanets* для русск. *самозванец* встречается только в переводе Тургенева и Виардо, в большинстве переводов используется франц. *imposteur*. При наличии уже интегрированного принимающим языком заимствования в меньшинстве может оказаться именно **национальный эквивалент**. Так, франц. *empereur* для русск. *царь* встречается только в переводе графа де Порри, все остальные используют франц. *tsar (tzar)*¹⁹, которое систематически входит в нейтральный перевод. То же касается пар *tzarevna/princesse*, *tzarevich/prince*, где национальный эквивалент остается в явном меньшинстве²⁰.

К нестандартным вариантам относится также **калька** *Votre Clarté* для русск. *Баюе Сутьельство*, предложенная А. Марковичем (стандартный вариант — *Votre Excellence*), это единичное явление, в целом затрудняющее понимание²¹.

Сюда же можно отнести **устаревшую лексику**, которая при наличии более новых стилистически нейтральных эквивалентов не попадает в нейтральный перевод. Поскольку интересующие нас корпуса формируются из переводов, разбросанных во времени, в некоторых из них присутствуют «естественные» архаизмы. Так, фраза ...*Grand'maman, я к вам с просьбою* (которая, кстати говоря, содержит устаревшую форму русского творительного падежа на -ую) переведена Мериме как ...*C'est une requête que je viens vous porter*. В других переводах чаще всего используются выражения *adresser, faire une demande* (*J'ai une demande à vous adresser; J'ai une demande à vous faire*) или *J'ai une faveur à vous demander*. Слово *requête* в переводах встречается реже, чем *demande*, в частности, в конструкции *Je viens vous adresser une requête*, у Мериме же видим устаревшее выражение *porter une requête* — оно не войдет в нейтральный перевод ни одной своей лексической составляющей [Razlogova 2011].

Менье использует архаичное сочетание *comme devant* [Caurot 1933] в переводе реплики Шуйского *А там — а там он будет нами править / По-прежнему: Et alors... alors comme devant il nous régentera*. В этом случае архаизм является привнесенным, в нейтральный перевод он также не попадает.

¹⁹ В отличие от *kniaz* франц. *tsar/tzar* появляется в словарях начиная со второй половины XIX в.

²⁰ Проблемы определения и перевода так называемых «реалий» («лингвоспецифической лексики») неоднократно привлекали внимание исследователей, особенно в отечественном переводоведении. Наиболее полное изложение этой проблематики, как нам кажется, можно найти в книге [Влахов, Флорин 1980].

²¹ Возможно, А. Маркович, будучи очень опытным переводчиком, намеренно предпочел «интересную» кальку стандартному варианту.

Распределение переводов во времени в нашем случае незначительно влияет на нейтральный перевод, они расположены достаточно компактно, хотя и неравномерно. Так, пики интереса к «Борису Годунову» во Франции и Бельгии приходятся на двадцатые (пять переводов) и шестидесятые (четыре перевода) годы прошлого столетия. «Пиковая дама» привлекала внимание переводчиков достаточно равномерно в течение всего периода, отделяющего первый перевод (Жюльвекур, 1847) от последнего (Маркович, 2012). Последний известный нам перевод «Бориса Годунова» датирован 2000 г., предыдущий — началом 1970-х гг., и, если новых переводов не будет, то в какой-то (достаточно отдаленный) момент нейтральный перевод в каких-то аспектах устареет.

Разговорные варианты отсеиваются по той же схеме. Трубецкой в своей редакции перевода Нунчинова использует в качестве эквивалента для устар. прост. *молодка* вполне современное разговорное слово *papa*, уходящее корнями во французское арго, где оно означало 'проститутка', и получившее значение 'женщина' сравнительно недавно. Этот вариант не вошел в нейтральный перевод.

Также при наличии хорошего эквивалента в нейтральный перевод часто не попадают варианты, усложненные различными **коннотациями** или с иной **степенью интенсивности**. Отсев нестандартных вариантов²² можно проследить на следующем примере. В переводах фрагмента — *И ты ни разу не соблазнился? ни разу не поставил на руте?.. Твердость твоя для меня удивительна*. Мериме и вслед за ним Менье используют устаревшее выражение *Cela me passe (En vérité ta fermeté me passe)* — оно не войдет в нейтральный перевод²³. Для Мериме это, скорее всего, естественный архаизм, у Менье он привнесен искусственно. Маркович выбирает более современное разговорное *Tu es d'une fermeté qui me dépasse*. Аналогичный вариант у Офмана: *En vérité ta constance me dépasse*. Вот остальные варианты: *Ta fermeté est surprenante pour moi* (Варовски); *J'admire ta fermeté sans la comprendre* (Витме); *J'admire ta fermeté* (Полтавцев); *Ta fermeté m'étonne* (Ке; Сеземан; Саван); *Ta fermeté me confond* (Нике); *Ta constance me confond* (Шиффрин, Жид); *Tant de fermeté d'âme m'étonne chez toi* (Шапиро); *Pour moi (...) c'est phénoménal* (Жюльвекур); *Ta fermeté me paraît étonnante* (Дерама); у Жюбера перевод всей реплики отсутствует. Нейтральным переводом будет: *Ta fermeté m'étonne*.

Таким образом, стандартным здесь является самое «буквальное» решение. Среди предложенных переводов есть варианты с привнесенной положительной (*admirer, phénoménal*) и скорее отрицательной (*confondre, passer, dépasser*) коннотацией. Глагол *surprendre* отличается от *étonner* большей интенсивностью.

Сюда же можно отнести исключение из нейтрального перевода более редких стилистически маркированных вариантов при наличии «хорошего» нейтрального эквивалента. Так, в переводе Сеземана *старуха* во всех контекстах (нейтральный перевод — *la vieille*) систематически передается при помощи франц. *vieille* (старая женщина, старица) — слова более редкого, и поэтому стилистически более отмеченного. Оно ни разу не войдет в нейтральный перевод.

Передача нейтральной лексики более сложными национализирующими вариантами также порождает нестандартные решения: Нике переводит *дом* (графини) в указанном выше контексте как *hôtel* ('особняк', 'резиденция'). Использованное Сеземаном там же франц. *demeure* также осложнено национальной коннотацией. А. Берман подвергал критике подобные варианты с дополнительными «национализирующими» значениями.

Вместе с тем в нейтральный перевод не попадают и упрощенные варианты. Так, во фрагменте *Мне виделась Москва, что муравейник; / Внизу народ на площади кипел / И на меня указывал со смехом* используется глагол *кипеть* в переносном значении. Он передается в переводах следующим образом: ...*le peuple bouillonnait en bas sur la place publique* (Дюпон); *En bas, sur la place, bouillonnait le peuple* (Тургенев, Виардо); *le peuple bouillonnant couvrant*

²² Разговорные варианты не обязательно более поздние.

²³ См. [Саутоу 1933: 648]. Это выражение, как утверждает автор, к моменту написания книги уже давно вышло из употребления.

la place entière (Энгельгардт); *Tout en bas le peuple grouillait* (Гедройц); *En bas, sur la place s'agitait le peuple* (Нунчинов); *En bas, sur la place grouillait le peuple* (Нунчинов, Трубецкой); *En bas sur une place, le peuple s'agitait* (Шиффрин); *En bas, la foule bouillonnait sur la place* (Вивье-Кузнецова); *En bas sur une grande place, le peuple s'agitait* (Семенов); *Le peuple sur la Place, en foule, se pressait* (Лансере); *Et sur la place, en bas une foule grouillait* (Легра); *Sur une place en bas une foule grouillante riait* (Менье); *Et ça grouillait de monde sur la place* (Ару). Вариант Баранова *En bas, j'apercevais le peuple comme une fourmilière* является контаминацией двух строк оригинала.

Нейтральным переводом будет в этом случае *En bas, sur la place grouillait le peuple*, где глагол *grouiller* выступает в своем прямом значении (в его семантике акцент приходится на 'большое количество' и 'беспорядочность движения'). *Bouillonner* используется в переносном значении (акцент падает скорее на эмоциональную составляющую). Последний имеет семантическое сходство с русск. *кипеть*²⁴. *Grouiller* используется 5 раз, *bouillonner* — 4, *s'agiter* — 3, *se presser* — 1. Последние два глагола лишены уточняющих значений, это гиперонимы, они более абстрактны, чем *bouillonner* и *grouiller*, и в нейтральный перевод не попадают²⁵.

Целенаправленный выбор определенной лексики в переводе может в конечном итоге вырастать в стилистическую или иную особенность переводного текста при том, что эта лексика не будет попадать в нейтральный перевод. Так, систематическая передача слова *старуха* более «мягкими» нестандартными эквивалентами в переводе Мериме (*la vieille dame, la vieille comtesse, elle* и др.) приводит к более позитивному видению этого персонажа.

Некоторые переводческие решения, относящиеся к «упрощению» или «осложнению», больше связаны с внутренним устройством переводного текста, чем с оригиналом. Это касается некоторых нарративных механизмов и, в частности, референциальных (анафорических) рядов, когда конкретная анафорическая замена производится в переводе в определенный, не обязательно совпадающий с оригиналом, момент повествования. Передача в переводе полнозначных составляющих оригинала местоимениями (или другими более абстрактными единицами) обычно остается за пределами нейтрального перевода.

2.3.2. Стилистически осложненные варианты

Осложнение при переходе к переводному тексту может проявляться и в сфере стилистики. Мериме в переводе следующего фрагмента вместо прошедшего времени использует дополнительный стилистический прием, переход к *présent narratif*, такой вариант встречается один раз:

Карета подъехала и остановилась. (...) дом осветился. В спальню вбежали три старые горничные, и графиня, чуть живая, вошла и опустилась в вольтеровы кресла. Германн глядел в щелку.

La voiture approcha rapidement et s'arrêta. (...) tous les appartements s'illuminent, et trois vieilles femmes de chambre entrent à la fois dans la chambre à coucher; enfin paraît la comtesse, momie ambulante, qui se laisse tomber dans un grand fauteuil à la Voltaire. Hermann regardait par une fente.

²⁴ Глагол *bouillir* (полный аналог русск. *кипеть*) не встречается ни в одном переводе, хотя и обладает похожим переносным значением, а именно 'быть во власти сильной эмоции'. Именно он предлагается в качестве эквивалента переносного значения *кипеть* в «Русско-французском словаре» Щербы и Матусевич. Словарь Макарова, однако, дает в этом значении *bouillonner* и *pétiller* — первый эквивалент попадает в нейтральный перевод, второй вообще не встречается в переводах этого фрагмента. Предлагается также эквивалент синтаксически преобразованного аналога пушкинского «внизу» *на площади народ кипел*, а именно: *Площадь кипит народом* / *La place fourmille de peuple* (ср. вариант Баранова).

²⁵ Заметим, что в нейтральный перевод фрагмента *И мальчики кровавые в глазах* попадает именно гипероним *enfant* (см. выше). Каждый фрагмент обладает своей спецификой, и общие закономерности могут быть сформулированы только с учетом множества факторов.

Переход к историческому настоящему можно рассматривать и как фигуру, а именно металепсис, особый тип метонимии, сопровождающийся сдвигом во времени: положение дел в реально обозначенный момент времени заменяется предшествующим (как в данном случае) или последующим состоянием. Мериме также использовал метафору *tomie ambulante* (букв. 'ходячая мумия'), аналога которой нет в оригинале. Эта фигура также не войдет в нейтральный перевод.

Переводы, которые воспринимаются как в высшей степени «художественные», отличаются систематическими стилистически осложненными отклонениями от нейтрального перевода. В них, таким образом, сохраняется или в определенном смысле приумножается стилистическая насыщенность переводного текста по сравнению с оригиналом. Когда Э. Анри [Henry 1997] пишет, что переводы «Пиковой дамы» Мериме и Сеземана обладают особыми литературными достоинствами, то объективно это связано именно с типом и количеством отклонений от нейтрального перевода. Однако сам по себе нейтральный «белый» стиль пушкинской прозы можно рассматривать как достаточно заметный стилистический прием, который изоморфно в этих переводах не воспроизводится, но компенсируется другими стилистическими средствами.

Сложные компенсаторные решения встречаются и в других переводах, и все они оказываются среди нестандартных вариантов. Так, в переводе Жиды и Шиффрина появляется отклонение от нейтрального перевода, связанное с более частым использованием форм *passé simple*, где в стандартном варианте фигурирует *plus-que-parfait*. *Passé simple* несет в себе элемент окончательности, «обрубленности», в каком-то смысле эквивалентный стилистике русской короткой фразы. Форма *passé simple* свойственна в большей степени письменной речи, ее более частое употребление поднимает стилистический статус перевода. Однако это особенность только одного перевода, и его нестандартность иная, чем у переводов Мериме или Сеземана.

Как это ни парадоксально, сюда же в нашем случае следует отнести сознательные попытки привнести в переводы «Бориса Годунова» в той или иной форме поэтическую форму: поскольку в нейтральный перевод попадает прозаический вариант (см. выше), все варианты, связанные с использованием alexandrinского стиха, свободного стиха или десятистопника, остаются вне его. Здесь речь идет не о языковых переходах, а о специфике литературных и стилистических традиций перевода в ту или иную эпоху.

Нестандартные варианты на усложненной стилистической основе обычно характеризуют индивидуальный стиль отдельных переводчиков.

* * *

Сознательные изменения в тексте перевода, не вызванные спецификой языковых переходов, носят чаще всего изолированный характер, что можно сказать и об ошибках, неаккуратных и неточных вариантах. Лексически, синтаксически или стилистически осложненные (или упрощенные) варианты также могут оказаться среди нестандартных. То же самое касается основной массы пропусков и дополнений. Нейтральный перевод, таким образом, исключает, с одной стороны, «плохие» (ошибочные, неудачные, извращающие смысл оригинала) варианты, а с другой — слишком «личные», усложненные или упрощенные решения, мотивированные индивидуальным подходом к интерпретации текста.

Среди нестандартных вариантов оказываются и такие, которые обеспечивают грамматическую (выбор артиклей, временных форм, синтаксических конструкций и др.) и лексическую вариативность в принимающем языке: они представляют особый интерес для лексикографии и сопоставительного языкознания.

3. Нейтральный перевод в лингвистическом аспекте

Выше мы перечислили некоторые аспекты работы с корпусами, содержащими не менее десяти переводов одного текста, опубликованных в разное время и выполненных про-

фессиональными переводчиками. Наше исследование относится к дескриптивному (изучающему существующие переводы), а не предписывающему (содержащему указания для получения «хорошего» перевода) разделу теории перевода (см., например, [Ozéki-Dépré 1999]).

Предлагаемый подход можно использовать и для других сочетаний языков, где переходы могут регулироваться иными закономерностями²⁶.

Наш метод состоит из двух составляющих: анализа корпуса (определения стандартных и нестандартных вариантов) и собственно формирования текста нейтрального перевода. На первом этапе анализа задается конкретный параметр сравнения переводов, затем из наиболее часто встречающихся решений формируется нейтральный перевод. Формирование нейтрального перевода как связного текста — отдельная проблема. Вся методика основана на объективных данных, результаты ее верифицируемы. Подсчеты на первом этапе можно производить и в более дифференцированной форме — все зависит от того, каков выбранный параметр. Возможен и многоступенчатый анализ: можно, например, сначала исключить варианты, остающиеся в меньшинстве по семантическому критерию, а затем среди оставшихся отобрать наиболее частотные по формальному критерию.

Распределение и количество вариантов может быть разным: вариант, попадающий в нейтральный перевод, может победить с большим отрывом (определенный артикль при сущ. *nuit* в переводах *Долгая зимняя ночь пролетела незаметно*) или же с небольшим преимуществом (ср. *sanglant* и *ensanglanté*). Вариантов может быть много (вплоть до случая, когда практически у каждого переводчика есть свой, что делает формирование нейтрального перевода затруднительным²⁷) или же количество альтернатив оказывается незначительным (определенный/неопределенный артикль). Такой подход позволяет построить более тонкие и в большей степени формализованные модели количественного распределения альтернатив, охарактеризовать в этом отношении каждый фрагмент параллельных текстов.

В то же время нейтральный перевод позволяет описать и каждый переводной текст в целом путем фиксации регулярных отклонений, которые ему присущи. Они показательны с точки зрения техники переводчика, его личной манеры передавать те или иные конструкции, ту или иную лексику и т. п.

В литературе неоднократно отмечалось, что множественность переводов позволяет лучше описать индивидуальный стиль конкретного переводчика на основании сравнения с другими. Но только сравнение с нейтральным переводом позволяет уточнить, какие приемы не выходят за рамки «переводческой нормы», а какие являются оригинальными.

В нашем случае нейтральный перевод можно охарактеризовать как умеренно национализирующий, с небольшим количеством нарративных сдвигов. Однако в нем далеко не всегда используются подсказываемые двуязычными словарями или сопоставительными грамматиками решения — в этом отношении некоторые стандартные варианты, не говоря уже о нестандартных, могут послужить материалом для возможного дополнения лексикографических и грамматических источников. Сама по себе методика нейтрального перевода не дает ответа на вопрос, **почему** в данном контексте тот или иной сдвиг является обязательным или же **почему** в том или ином конкретном переводе предлагается именно такой, отличный от стандартного вариант: полученные данные нуждаются в интерпретации.

Вопрос о стилистике перевода в рамках принимающего языка при этом остается открытым. Как утверждают многие исследователи, в частности А. Берман [Berman 1999], в переводных текстах в общем случае нет определенной стилистики как таковой в силу искажений, которые переводчик, чаще всего бессознательно, привносит в свой текст. Считается, что в переводе стираются оригинальные лингвостилистические приемы, присущие исходному

²⁶ Существует мнение, что наиболее изученной с этой точки зрения является пара французский/английский языки, что объясняется активным использованием параллельных текстов в различных областях общественной жизни Канады.

²⁷ Это характерно для переводов фрагментов, насыщенных фигурами речи, которые мы здесь подробно не рассматриваем.

тексту (это утверждение имеет статус переводческой универсалии), происходит нормализация в соответствии со стандартной «литературной нормой» принимающего языка. Нейтральный перевод в этом отношении статистически подтверждает эту гипотезу. Разрушение «исходной» стилистики часто бывает неизбежным: лингвостилистические особенности оригинала не всегда возможно перенести в перевод, и, даже если и удастся их передать, они не всегда воспринимаются так же, как аналогичный прием оригинала. В то же время в конкретных переводах могут появляться новые лингвостилистические характеристики (например, как результат компенсаторных мер), релевантные при стилистической оценке текста в среде принимающего языка — такого рода привнесенная стилистика (см. раздел 2.3.2) относится к области нестандартного и в нейтральный перевод не попадает. Перевод «Пиковой дамы» Мериме, которому свойственна систематическая нестандартность, воспринимается как полностью соответствующий именно его авторскому стилю.

Наше исследование в целом не подтверждает даже в количественном отношении гипотезу «повторного перевода» (*retranslation hypothesis*), в соответствии с которой каждый следующий перевод является менее «национализирующим», чем предыдущий [Mauganen, Kujamäki 2004]. Так, перевод «Пиковой дамы» Сеземана гораздо более индивидуальный и национализирующий, чем предыдущие, а все переводы «Бориса Годунова» 1920-х гг. — умеренно национализирующие по сравнению с некоторыми более поздними (Гедройц, Ару). Что касается самых первых переводов, то в обоих случаях они в значительной степени национализирующие — и это соответствует упомянутой гипотезе. Создается впечатление, что при большом количестве повторных переводов национализирующие тексты появляются достаточно редко, но с определенной регулярностью.

В «человеческом» переводе вариантов может быть много не только за счет синонимического перефразирования, но и в силу задействования более глубоких прагматических и культурных факторов, а также использования языковой эвристики, которая проявляется наиболее ярко при переводе фигур. В связи с этим возникает вопрос о том, какой/какие из этих вариантов целесообразно моделировать, например, в машинном переводе. Заметим, что речь здесь идет о переводе текстов, предполагающих использование языка во всем его объеме, вплоть до его потенциальных возможностей, выходящих за рамки общеязыковой нормы. По-видимому, это должно быть нечто близкое к нейтральному переводу.

Если переводоведение, изучающее «человеческую» переводческую деятельность (возможно, в недостаточно строгой и последовательной форме), исходно было ориентировано на изучение параллельных текстов, то автоматизированный (машинный) перевод, очень быстро завоевавший высокий научный статус²⁸, исходно строился в большей степени на основании специальных словарей и грамматик. Интерес к параллельным текстам проявился в этой области значительно позже. Отметим, что в основу пионерской для теоретического переводоведения работы Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне [Vinay, Darbelnet 1958] были положены именно параллельные тексты на французском и английском языках.

В процессе преподавания иностранного языка (по крайней мере, на начальных стадиях) нейтральность перевода является положительным моментом. Нейтральный перевод более информативен для сопоставительного языкознания, чем единичные переводы, особенности которых в его рамках иногда отождествляются с особенностями языка перевода²⁹.

Для многих других лингвистических дисциплин перевод выступает в роли необходимого инструмента. И в этих случаях хочется видеть близкий аналог нейтрального перевода, рассматривать стандартные варианты. По умолчанию считается, что они таковыми и являются, однако достаточных оснований для этого может и не быть. Исследуя профессиональные переводы, мы видели, сколько встречается нестандартных и среди них очень

²⁸ В основном благодаря тому, что постановка задачи была понятна (и приятна) представителям точных наук.

²⁹ Связь переводоведения с сопоставительным языкознанием неоднократно обсуждалась в лингвистической литературе [Швейцер 1988; Hansen 1985].

индивидуальных, ошибочных или приблизительных решений. Сведения, полученные от непрофессионалов, еще менее надежны³⁰. И это важно иметь в виду при работе с недостаточно изученными языками, в частности в полевых исследованиях, где в качестве информантов, как правило, выступают люди, не имеющие переводческих навыков и часто даже не являющиеся «первичными» носителями. При использовании сомнительных переводов из сомнительных источников степень погрешности может быть очень велика³¹. Это часто является проблемой при изучении древних или редких языков, а также в типологических и формальных исследованиях³². При сопоставительном изучении «картин мира» и специфики национальных культур через призму языков также целесообразно учитывать переводную проблематику в ее полном объеме³³.

В заключение подчеркнем еще раз, что, хотя количество корпусов, содержащих такое большое число переводов, очень ограничено, их изучение представляет определенный интерес как для переводоведения, так и для лингвистики в целом. Именно просмотр большого количества вариантов перевода в рамках фиксированной прагматики позволяет выделить нейтральный вариант, помогает пролить свет на устройство переводческого дискурса во всем его многообразии, усмотреть специфику его связей со словарем, сопоставительными грамматикой и стилистикой. В этом отношении предлагаемая схема может служить вкладом в решение общей проблемы формирования дискурса³⁴.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Влахов, Флорин 1980 — Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. [Vlakhov S., Florin S. *Neperevodimoe v perevode* [The untranslatable in translation]. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 1980.]
- Гаспаров 2001 — Гаспаров М. Л. Подстрочник и мера точности // Гаспаров М. Л. О русской поэзии. Анализ. Интерпретации. Характеристики. М.: Азбука, 2001, С. 361—372. [Gasparov M. L. Literal translation and a measure of accuracy. Gasparov M. L. *O russkoi poezii. Analizy. Interpretatsii. Kharakteristiki*. Moscow: Azbuka, 2001. Pp. 361—372.]
- Клюева 2016 — Клюева Е. В. Особенности подстрочника произведений Франсуа Вийона. Опыт перевода // VIII Международная научная конференция «Романские языки от античности до современности». М.: МАКС Пресс, 2016. С. 183—187. [Klyueva E. V. Characteristics of the literal translation of François Villon's poems. An attempt of translation. *VIII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Romanskie yazyki ot antichnosti do sovremennosti»*. Moscow: MAKS Press, 2016. Pp. 183—187.]
- Левин 1981 — Левин Ю. Д. К вопросу о переводной множественности // Классическое наследие и современность. Л.: Наука, 1981. С. 365—372. [Levin Yu. D. Translation multiplicity revisited. *Klassicheskoe nasledie i sovremennost'*. Leningrad: Nauka, 1981. Pp. 365—372.]
- Левин 1992 — Левин Ю. Д. Проблема переводной множественности // Литература и перевод: проблемы теории. М.: Прогресс, 1992. С. 213—223. [Levin Yu. D. The problem of translation multiplicity. *Literatura i perevod: problemy teorii*. Moscow: Progress, 1992. Pp. 213—223.]

³⁰ Систематизация таких источников и обсуждение их надежности даются в [Gile 2011].

³¹ В этом отношении показательны дискуссии, которые в течение десятилетий велись (и ведутся) вокруг работ Э. Сепира и Б. Уорфа.

³² Релевантная информация в этих областях часто проходит через призму перевода, выстроенного на основе исключительно словарных данных, и сведений, почерпнутых из грамматик: во многих случаях этого бывает недостаточно. Тем не менее углубленное или просто хорошее знание языков, действовавших в описании, многими считалось и продолжает считаться излишним.

³³ Сопоставления из различных языков в работах А. Вежбицкой, классика в этой области исследований, кажутся весьма упрощенными именно в силу игнорирования переводческой проблематики, связанной, в частности, с синонимическими рядами.

³⁴ Хотелось бы поблагодарить моих дипломников и аспирантов Наталью Березину, Асият Щамхалову, Алину Харисову, Валентину Карапец, Анастасию Богинскую, с которыми я работала над различными переводами, а также Т. Н. Громову, Анну А. Зализняк и А. П. Бондарева за ценные замечания.

- Настопкене 1981 — Настопкене В. В. Опыт исследования точности перевода количественными методами // Ученые записки вузов Литовской ССР. *Literatūra, Vilnius*. 1981. Vol. XXIII. № 26. С. 53—69. [Nastopkene V. V. A quantitative study of translation accuracy. *Uchenye zapiski vuzov Litovskoi SSR. Literaturā, Vilnius*. 1981. Vol. XXIII. No. 26. Pp. 53—69.]
- Разлогова 2012 — Разлогова Е. Э. «Пиковая дама» в зеркале французских переводов // Вопросы языкознания. 2012. № 6. С. 66—92. [Razlogova E. E. «The queen of spades» in the mirror of its French translations. *Voprosy jazykoznanija*. 2012. No. 6. Pp. 66—92.]
- Разлогова 2013 — Разлогова Е. Э. К проблеме передачи нарративных схем и стилистических фигур в переводе // Вестник Московского университета. Сер. 9. 2013. № 3. С. 101—120. [Razlogova E. E. The problem of rendering narrative patterns and figures of speech in translation. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 9. 2013. No. 3. Pp. 101—120.]
- Разлогова 2016 — Разлогова Е. Э. Об изоморфизме в переводе // Риторика — Лингвистика. Вып. 12. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2016. С. 128—137. [Razlogova E. E. On isomorphism in translation. *Ritorika — Lingvistika*. No. 12. Smolensk: Smolensk State Univ. Publ., 2016. Pp. 128—137.]
- Шерстнева 2008 — Шерстнева Е. С. Переводная множественность как категория переводоведения: история, статус, тенденции // Известия Российского государственного педагогического ун-та им. А. И. Герцена. 2008. № 73. Ч. 1. С. 526—532. [Sherstneva E. S. Translation multiplicity as a category of translantology: History, status, trends. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*. 2008. No. 73. Pt. 1. Pp. 526—532.]
- Швейцер 1988 — Швейцер А. Д. Теория перевода (статус, проблемы, аспекты). М.: Наука, 1988. [Shveitser A. D. *Teoriya perevoda (status, problemy, aspekty)* [Theory of translation (status, problems, aspects)]. Moscow: Nauka, 1988.]
- Эткинд 1963 — Эткинд Е. Г. Поэзия и перевод. Л.: Советский писатель, 1963. [Etkind E. G. *Poeziya i perevod* [Poetry and translation]. Leningrad: Sovetskii Pisatel', 1963.]
- Якобсон 1985 — Якобсон Р. О. Лингвистические аспекты перевода // Якобсон Р. О. Избранные сочинения. М., Прогресс, 1985. С. 361—368. [Jakobson R. O. Linguistic aspects of translation. Jakobson R. O. *Izbrannye sochineniya*. Moscow: Progress, 1985. Pp. 361—368.]
- Яхнина 1997 — Яхнина Ю. Три Камю // Нора Галь: Воспоминания. Статьи. Стихи. Письма. Библиография. М.: Агро-Риск, 1997. С. 13—34. [Yakhnina Yu. The three Camus. *Nora Gal': Vospominaniya. Stat'i. Stikhi. Pis'ma. Bibliografiya*. Moscow: Agro-Risk, 1997. Pp. 13—34.]
- Baker 1995 — Baker M. Corpora in translation studies: An overview and some suggestions for future research. *Target*. 1995. Vol. 7. No. 2. Pp. 223—243.
- Ballard 2013 — Ballard M. *Histoire de la traduction. Repères historiques et culturels*. Bruxelles: De Boeck, 2013.
- Berman 1999 — Berman A. *La traduction et la lettre ou l'auberge du lointain*. Paris: Seuil, 1999.
- Cayrou 1933 — Cayrou G. *Le français classique*. Paris: H. Didier; Toulouse: éd. Privat, 1933.
- Gile 2011 — Gile D. *La traduction. La comprendre, l'apprendre*. Paris: PUF, 2011.
- Eco 2001 — Eco U. L'expérience de la traduction. Eco U. *Le plaisir des formes*. Paris: Seuil, 2001, Pp. 109—145.
- Hansen 1985 — Hansen K. Trends and problems of contrastive linguistics. *Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik*. 1985. Vol. 33. No. 2. Pp. 111—137.
- Henry 1987 — Henry H. Notes sur les traductions en français de *La dame de pique*. *Revue des études slaves*. 1987. Vol. LIX. No. 1—2.
- Henry 1997 — Henry H. Pouchkine en français. *Alexandre Pouchkine*. Paris: Musées, 1997.
- Igalens 2011 — Igalens J.-C. *Cazanova, l'écrivain en ses fictions*. Paris: Classiques Garnier, 2011.
- Karcevski 1946 — Karcevski S. Introduction. *Alexandre Pouchkine. La dame de pique et les récits de Belkine*. Traduction nouvelle et intégrale de Marc Chapiro. Genève: Ch. Grasset Editeur, 1946.
- Looock 2016 — Looock R. *La traductologie de corpus*. Villeneuve d'Ascq: Presses universitaires du Septentrion, 2016.
- Larthomas 1980 — Larthomas P. *Le langage dramatique*. Paris: Presses Universitaires de France, 1980.
- Mauranen, Kujamäki 2004 — Mauranen A., Kujamäki P. (eds.). *Translation universals? Do they exist?* Amsterdam: John Benjamins, 2004.
- Mangault 1987 — Mangault H. La Dame de Pique. Notes. *Pr. Merimee — A. С. Пушкин = Prosper Merimee — Alexandre Pouchkine*. сост. Кириозе З. И. М.: Радуга, 1987. [*Pr. Merimee — A. S. Pushkin = Prosper Merimee — Alexandre Pouchkine*. Kirioze Z. I. (comp.). Moscow: Raduga, 1987.]
- Ozéki-Dépré 1999 — Ozéki-Dépré I. *Théories et pratiques de la traduction littéraire*. Paris: Armand Colin, 1999.

- Oustinoff 2003 — Oustinoff M. *La traduction*. Paris: PUF, 2003.
- Razlogova 2011 — Razlogova E. Nouvelles traductions: Motivations et réalisations (Traductions françaises de «La Dame de Pique» et de «Boris Godounov» d'Alexandre Pouchkine). *Langages et signification*. Toulouse: Presses Universitaires du Mirail, 2011. Pp. 93—107.
- Schleiermacher 1995 — Schleiermacher F. *Des différentes méthodes du traduire et autre texte*. Traduits par A. Berman et C. Berner. Paris: Seuil, 1999.
- Vinay, Darbelnet 1958 — Vinay J. P., Darbelnet J. *Stylistique comparée du français et de l'anglais*. Paris: Didier, 1958.
- Zanettin 2012 — Zanettin F. *Translation-driven corpora corpus resources for descriptive and applied translation studies*. Manchester: St. Jerome, 2012.

Получено/received 21.08.2014

Принято/accepted 07.02.2017